

ДОМ НЕСУЩИХ

ПЕРВЫЙ КОНТУР

ТАТЬЯНА МИНЬВОВА

Татьяна Миниярова

«Дом несущих. Первый контур»

<https://litres.ru/74372002>

SelfPub; 2026

Аннотация

До поезда в Лассу остаётся несколько часов, когда над дверью появляется новая трещина.

Рина собиралась уехать тихо: забрать чемодан, оставить семье деньги и больше не решать, какая стена продержится до утра. Но дом отвечает на её прикосновение. Под кожей проступают серые линии нагрузки, Служба перекрывает выход, а в старых планах обнаруживаются комнаты и коридоры, которых никто не помнит.

Чем глубже идёт проверка, тем яснее становится: этот дом держится не только на камне и балках. Много лет кто-то распределял его тяжесть между людьми — и записывал решения, которых Рина не принимала.

Теперь ей нужно отделить собственную силу от чужого права ею распоряжаться. И успеть сделать это прежде, чем дом потребует следующую опору.

Татьяна Миниярова

«Дом несущих. Первый контур»

Глава 1

Глава 1. Трещина над дверью

Дом предупредил Рину в тот момент, когда она застёгивала чемодан.

Сначала тихо. Даже прилично. Где-то в стене щёлкнуло, будто ночью остывала труба. Рина замерла, ладонью прижала выпирающую крышку и подождала.

Ничего.

Она выдохнула и дотянула молнию до угла. Чемодан закрылся с третьей попытки. Если бы она выбросила хотя бы одну из двух кофт, всё получилось бы сразу, но стоять утром на вокзале и решать, какая из них была лишней, Рина не собиралась. Хватит с неё решений на сегодня.

На кровати остались паспорт, деньги в старом конверте и билет до Лассы на поезд в пять сорок. Билет она купила три дня назад и всё это время прятала под жестяной банкой с чаем.

Глупость, конечно. Дом не умел открывать шкафы.

Но иногда знал о людях вещи, которые они ещё не успели сказать вслух.

Тонкий шов над дверью замазывали в мае. Потом в июле. Он возвращался, но до этой ночи оставался светлым и тихим.

Рина сунула паспорт в боковой карман чемодана, деньги разделила пополам — часть туда же, часть в куртку — и ещё раз проверила время. До выхода оставалось семнадцать минут.

Она всё рассчитала. В четыре сорок пять уйдёт. В четыре пятьдесят две сядет в первый ночной трамвай. Мама проснётся около шести и найдёт на столе хлеб, нарезанный сыр и записку, где лежат отцовские таблетки. Тав, если вообще заметит её отсутствие раньше полудня, сначала разозлится, потом увидит деньги за коммунальный счёт в синем конверте и разозлится ещё сильнее. Но к тому времени Рина уже будет за городской чертой.

Она даже сбегала так, чтобы утром всем было удобно.

На стуле лежала куртка. Рина надела её, взяла билет и на секунду задержала пальцы на плотной бумаге. Ласса. Четыре часа двадцать минут. Место у окна.

Не мечта всей жизни. Не спасение. Просто город, в котором ей предложили работу и комнату над мастерской. Город, где никто не знал, что Рина слышит стены раньше других.

Комната была маленькая, зато ключ от неё существовал в одном экземпляре. Ей особенно понравилось именно это.

Смешная причина менять город, но у неё бывали и хуже.

Этого было достаточно.

Она убрала билет в карман.

Старый шов над дверью налился чёрным.

Рина увидела это не сразу. Сначала на плечо посыпалась пыль. Она подняла голову и несколько секунд смотрела, как линия медленно вытягивается по потолку — тоньше волоса, всего в ладонь длиной.

— Нет, — сказала Рина.

Трещина остановилась.

Дом будто прислушался.

Рина не двигалась. Под курткой сразу стало жарко. Она расстегнула ворот, опять застегнула и зачем-то посмотрела на чемодан, словно тот мог подсказать, считать ли происходящее причиной остаться.

Нет. Не считать.

Трещины бывали. Старый дом проседал весной, дышал стенами в жару и умел напугать жильцов обычной лопнувшей штукатуркой не хуже любого живого. Надо было позвать мастера. Утром. После того как она уедет.

Рина сняла чемодан с кровати и поставила у двери.

Линия над косяком выросла ещё на палец.

Снизу хлопнула дверца шкафа.

— Рина? — сонно позвала мама. — Ты не спишь?

Она быстро набросила на чемодан плед.

— Воду пила.

— У тебя свет горит.

— Уже выключаю.

Мира постояла внизу, будто решала, подняться или поверить. Потом половица под ней скрипнула в сторону кухни.

Рина дождалась, пока стихнут шаги, и посмотрела на билет, который теперь чуть выпирал из кармана.

Дом не просил её остаться. Он вообще ничего не просил словами. Просто треснул именно сейчас.

Очень удобно.

Она подошла к выключателю.

С кухни донёсся короткий звон. Потом тяжёлый удар — не чашка упала, что-то внутри стены ответило ей снизу.

Рина уже бежала.

Мама стояла у стола босиком, в длинной домашней рубашке. У её ног белели осколки чашки. На плите грелся маленький ковшик, хотя чайник был совсем рядом. Мира всегда ставила воду в ковшике, когда не могла уснуть. Говорила, так быстрее. Это было неправдой, но спорить с ней в четыре утра было отдельным видом бессмысленной жизни.

Рина посмотрела не на чашку.

Над мойкой тянулась чёрная трещина. Она шла от угла окна к газовой трубе и едва заметно шевелилась, будто под штукатуркой протягивали нитку.

— Мам, отойди от стены.

— Я и так далеко.

— В коридор. Сейчас.

— Рина, не начинай. Утром вызовем мастера.

Ну конечно. Утром.

Рина шагнула через осколки и выключила конфорку. Потом перекрыла газ на трубе. Рычаг не поддавался; пришлось навалиться обеими руками. Металл коротко пискнул, и в стене тут же отозвалось низким гулом.

— Обуйся, — сказала она. — И разбуди Тава.

Мира посмотрела сначала на её куртку, потом на часы над холодильником — и Рина поняла, что мама увидела всё: и время, и одежду, и дочь, которая совершенно точно не вставала попить воды.

Но Мира ничего не спросила.

— Сначала отца, — сказала она. — Он опять закрыл дверь.

— Я сама.

Фраза вышла раньше, чем Рина успела выбрать другую.

Она выдвинула два нижних ящика, освободила пол под окном и потянула на себя высокий шкаф с посудой. Тот качнулся слишком легко. Одна задняя ножка провалилась в раскошшуюся половицу.

— Дай стул.

Мира подала старый кухонный стул. Рина уложила его боком между шкафом и столом, проверила, держит ли спинка, потом сдёрнула с крючка плотный передник и обмотала ручки дверец. Если шкаф поведёт, тарелки хотя бы не вылетят сразу.

— Теперь в коридор.

— А ты?

— Я посмотрю трубу и выйду.

Это было правдой. На тот момент — полностью.

Мира надела тапки прямо поверх мелких осколков и пошла будить остальных. Рина услышала, как она стучит в дверь отца, один раз, второй. Как Тав что-то недовольно крикнул со второго этажа. Обычный дом, обычная ночь. Все живы. Газ перекрыт. Опасная часть кухни освобождена.

Можно было выйти.

Рина подошла к окну. Рама закрыта, стекло цело. Под мойкой сухо. Труба не пахла. Она достала из ящика моток красной ленты и натянула её поперёк дверного проёма. Получилось криво. Перед уходом Рина зачем-то поправила узел.

В кармане хрустнул билет.

Она вспомнила о трамвае.

До выхода оставалось девять минут.

В стене ударило второй раз.

Не громче первого. Но звук пришёл не с кухни. Он прошёл через пол, поднялся по ногам и остановился где-то под рёбрами. Рина схватилась за край стола.

Чёрная линия резко раздвоилась. Один конец пополз к газовой трубе, другой — вверх, туда, где над кухней была комната родителей.

На лестнице появился Тав, растрёпанный, в футболке и

одном носке.

— Что за чертовщина?

— Не заходи. Телефон на тумбе. Позвони в Службу. Скажи: газовая стена, второй удар.

— Я вижу.

— Тогда набирай.

Он схватил телефон и остался за красной лентой. Мама уже вывела отца в коридор. Орен держался за стену и смотрел на трещину так, будто узнавал её.

— Рина, — сказал он.

Только имя. Негромко.

Этого оказалось достаточно.

Она знала этот звук в стене. Не сам удар — то, что приходило после. Гул шёл ко всем, кто мог услышать. Дом ждал первого ответа. Одиннадцать лет назад он так же гудел под лестницей. Тогда Рина была слишком молодой, чтобы понимать договоры, и достаточно взрослой, чтобы увидеть отца на полу.

Сейчас он стоял. Мама была рядом. Тав впервые не спорил.

Все смотрели на неё.

Никто не требовал и не просил. Может быть, они даже хотели сказать, чтобы она уходила, — но смотрели всё равно на Рину, потому что Рина знала, что делать.

Под штукатуркой что-то сдвинулось. Шкаф скрипнул и навалился на стул. Спинка выдержала, но одна ножка трес-

нула.

— Выйдите во двор, — сказала Рина.

— Все вместе, — ответила мама.

— Мира, идём, — неожиданно сказал отец.

Тав всё ещё стоял на лестнице с телефоном у уха.

— А она?

— Тав, выведи их.

— Я спросил, а ты?

Рина посмотрела на стену. Линия уже дошла до трубы, но газ был перекрыт. В шкафу звенела посуда. Подпорка держала. Мама, отец и Тав стояли за опасной частью пола.

Надо было выйти вслед за ними.

— Две минуты, — сказала она. — Я проверю шов.

Тав выругался.

— Ты всегда только проверишь.

Мама взяла его за локоть. На секунду Рина встретила с ней глазами и увидела не привычное ожидание, а страх. Мира хотела что-то сказать. Не успела.

Дом позвал.

По-настоящему.

Гул оборвался, и наступила тишина, в которой Рина услышала сразу всё: как Орен тяжело дышит в коридоре, как Тав тянет босую ногу с холодного пола, как за стеной у соседей плачет ребёнок, как по старым балкам идёт нагрузка — дальше кухни, дальше их комнат, куда-то через весь дом.

Она могла выйти. Но тогда не знала, остановится ли тре-

щина на их стене.

Не знала, выдержит ли подпорка.

Не знала, сколько у них есть времени.

— Во двор, — повторила Рина. — Сейчас.

Тав ещё секунду смотрел на неё, потом повёл родителей к выходу.

Рина дождалась, пока хлопнет входная дверь.

За дверью Тав несколько раз повторил диспетчеру адрес. Значит, Служба хотя бы знала.

Только после этого переступила через красную ленту.

Стена была холодной. Не просто холоднее комнаты — чужой, глубинно холодной, как камень со дна воды. Рина положила на неё ладонь рядом с трещиной.

Дом сразу узнал её.

Серые линии проступили под кожей, от запястья к пальцам. Сначала знакомое покалывание. Потом тяжесть.

Не боль. Боль хотя бы принадлежала ей.

В ладонь вошёл вес незаконченного: бумаги из мастерской, которые мама месяцами перекладывала, пока сырела задняя стена; отцовская дверь, за которой второй месяц никто не мог проверить шов; письмо Таву из морского квартала, так и оставшееся без ответа.

И ещё что-то большее. Чужие шаги. Соседские стены. Натяжение, уходившее по балкам за пределы дома.

Слишком много.

Рина отдернула руку, но трещина уже держала её тонкой

серой нитью под кожей.

Рина, наверное, ещё могла оборвать связь. Рука уже дёрнулась.

Нужно было проверить, что именно пошло по дому. Позвать Службу. Дождаться опорщиков. Разделить нагрузку.

Вместо этого Рина подумала о маме на улице в одной рубашке. Об отце, который опять смотрел на неё так, словно прошлое вернулось за долгом. О Таве в одном носке. О ребёнке за стеной.

О поезде в пять сорок, который уйдёт независимо от того, успеет она или нет.

— Возьми не всё, — сказала Рина.

Дом не ответил.

Трещина рванулась к потолку.

Шкаф сорвался с подпорки.

Рина успела подхватить его плечом. Посуда обрушилась на связанные дверцы, стул отлетел к столу. Что-то тяжёлое ударило её по спине. Она не отпустила стену.

— Слышишь? Только кухню.

Под пальцами дрогнула штукатурка.

Труба. Шкаф. Одна балка до приезда опорщиков. Тав за дверью снова повторял диспетчеру адрес. Этого могло хватить. Всё остальное осталось бы дому и людям, которые уже проснулись от его гула.

Но в коридоре за дверью кто-то закричал.

Крик длился секунду. Этой секунды хватило, чтобы Рина

перестала считать.

Рина прижала ладонь сильнее.

— Ладно, — выдохнула она. — Держу.

Дом вошёл в неё целиком.

Пол ушёл из-под ног. На несколько секунд кухня стала огромной: Рина чувствовала каждую балку, каждый расшатаанный шов, каждый тяжёлый шкаф, который жильцы годами ставили туда, где было удобно, а не туда, где выдержит перекрытие. Всё тянуло в разные стороны.

Рина упёрлась коленом в пол и держала.

Где-то лопнуло стекло. В стене завыл воздух. Серые линии поднялись выше запястья.

Потом дом выдохнул.

Трещина остановилась у потолка.

Шкаф перестал давить на плечо.

Посуда внутри ещё немного позвенела и замолчала.

Рина сползла на пол. Ладонь осталась прижатой к стене, хотя связь уже отпустила её. Под ногтями была серая пыль. Во рту — вкус железа.

С улицы кричала мама. Кто-то дёргал входную дверь, но её перекосило.

— Всё нормально, — хотела ответить Рина.

Получился только кашель.

Она посидела немного, прислушиваясь. Дом стоял. Не хорошо. Не надёжно. Просто стоял.

Этого всем пока хватит.

Рина ухватилась за стол и поднялась. В кухне стало светлее — за окном серело утро. До поезда оставалось меньше часа.

Поезд.

Она машинально полезла в карман и достала билет.

Ласса.

Пять сорок.

Место у окна.

Рина прочитала всё дважды.

Она знала, что такое Ласса. Другой город, четыре часа пути. Там были морские мастерские, широкая набережная и дождь, который мог идти по три дня. Она даже знала, где находится вокзал и с какой платформы обычно отправлялся утренний поезд.

Только не понимала, зачем ей туда.

Рина перевернула билет. На обратной стороне её почерком было написано: «Не передумывай утром».

Она долго смотрела на эти слова.

Кто-то написал их её рукой. Кто-то купил билет, собрал чемодан, спрятал деньги в старый конверт и разложил лекарства отца по дням. Всё было сделано аккуратно. Даже слишком.

Но внутри не осталось ничего, что вело бы от неё к этому поезду.

Не страх. Не радость. Не сожаление.

Просто чужой маршрут в её кармане.

Во входную дверь снова ударили. Три коротких раза.

— Рина! — крикнула мама с улицы.

— Сейчас.

Голос прозвучал нормально. Значит, можно было не объяснять.

Она прошла в коридор. Дверь просела на петлях; пришлось навалиться плечом. Снаружи тут же заговорили все: мама спросила про руку, Тав — про газ, отец ничего не спросил и смотрел на серые линии под её кожей.

Рина открыла дверь ровно настолько, чтобы они смогли войти по одному.

На крыльце стоял ещё один человек.

Высокий мужчина в мокром тёмном пальто. Волосы прилипли ко лбу, на щеке темнела полоса дорожной грязи. Он тяжело дышал, будто последние кварталы бежал. В одной руке держал сложенный зонт, в другой — бумагу.

Увидев Рину, он не улыбнулся.

Сначала посмотрел на её ладонь. Потом на дом за спиной.

— Я опоздал, — сказал он.

В голосе была злость. Не на неё — или не только на неё.

Рина ждала продолжения.

Мужчина перевёл взгляд на её лицо. Злость исчезла так быстро, что стало страшнее.

— Ты меня узнаёшь?

Рина посмотрела внимательнее.

Ивар. Она знала имя, голос и тонкий шрам у левой брови.

Помнила, что он чинил заднюю дверь мастерской и однажды прождал её у Службы почти три часа, потому что она сказала: «Я только закончу».

Факты были на месте.

— Узнаю.

Он не выдохнул.

— Но ты не понимаешь, зачем я здесь.

Рина посмотрела на мать, на Тава. Никто из них не отвёл глаз, но и не помог.

— Нет.

Ивар протянул ей бумагу.

Это был второй билет до Лассы. Тот же поезд. Соседнее место.

— Ты не вышла в без четверти, — сказал он. — Потом дом загудел на весь квартал.

— Мы собирались ехать вместе?

— Я пришёл за тобой. Ты сама попросила.

— Зачем?

Ивар посмотрел на чемодан под пледом, который из коридора теперь был прекрасно виден.

— Потому что знала: если никто не придёт, ты опять найдёшь что-нибудь, что без тебя не выдержит.